

Н. Ю. Грякалова

ПОМЕТЫ И МАРГИНАЛИИ А. А. БЛОКА НА КНИГАХ ФЕТА: ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ТВОРЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Изучение фетовского цитатного слоя в лирике Александра Блока, присутствующего в виде образных переключек, реминисценций, аллюзий, скрытых цитат и прочих интертекстуальных вкраплений, имеет давнюю традицию и неоспоримые результаты, а в последнее время предметом исследовательского внимания стала «фетовская тема» в эпистолярной поэме и отчасти в его критической прозе (в рецептивном аспекте).¹ На этом фоне довольно скромно выглядят эпизодические обращения к анализу блоковских читательских помет и маргиналий на книгах Фета, представленных в библиотеке Блока, хранящейся в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.² Осуществленное коллективом библиографов фундаментальное описание библиотеки Блока (ее состава, постранич-

¹ См., например: *Петрова Г. В.* А. А. Фет в переписке Александра Блока и Андрея Белого // *ФетСб(1)*. С. 66–79; *Сарычева К.* Восприятие Ф. И. Тютчева и А. А. Фета в русской литературной критике 1870-х — 1900-х гг. Tartu, 2016 (*Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis*. Т. 36).

² Впервые блоковские пометы на книгах Фета были частично проанализированы в обзоре: *Миллер О. В.* Пометы Блока на книгах по истории русской литературы XIX в. // *ЛН*. Т. 92. Кн. 4. С. 57–74. См. недавнюю работу, не свободную, впрочем, от спорных суждений и интерпретаций, автор которой обращается только к материалам первых двух томов «Полного собрания стихотворений» Фета под редакцией Б. В. Никольского: *Стародубцева Ю. Н.* Творчество А. А. Фета в восприятии А. А. Блока (по материалам библиотеки А. А. Блока) // *Новый филологический вестник*. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-a-a-feta-v-vospriyatii-a-a-bloka-po-materialam-biblioteki-a-a-bloka>.

ного свода помет)³ способствовало выделению данного направления в целую отрасль современного блоковедения.⁴ Первооткрывателем здесь выступил Д. Е. Максимов, который не только ввел в научный оборот пометы Блока на «Стихотворениях» (1900) Вл. С. Соловьева и Собрании сочинений философа, но и предпринял опыт их типологической классификации и, что очень важно, — герменевтического анализа.⁵ Нет сомнения в значимости дальнейшего фронтального изучения библиотеки Блока и всего корпуса блоковских маргиналий. Это предполагает установку на интерпретацию развернутых текстуальных помет (маргиналий), их датировку, а также по возможности на дешифровку идеографических знаков — общепринятых (выделение фрагментов текста прямыми, квадратными и фигурными скобками, вопросительным и восклицательным знаками и их комбинацией, знаком NB, «галочками», «крестиками» и т. д.) и сугубо индивидуальных (удлиненный четырехконечный крест, крест в круге, знаки ∞, ∫, √, # и другие более сложные конфигурации). Все они выполняют различную функцию в процессе чтения: сугубо функциональную — как отметки и «заготовки» для будущих статей, рецензий, лекций, выступлений, графических ремарок текстологического характера при подготовке отдельных изданий и редактировании переводов; мнемоническую; рефлексивно-эмоциональную. Книжные пометы и маргиналии могут рассматриваться как особая форма работы с текстом, требующая осмысления и включения в целостную картину понимания — не только реконструируемого историко-литературного контекста, но и биографии поэта в ее творческой динамике. Реализация этих задач невозможна без детального изучения достаточно репрезентативного «фетовского фон-

³ Библиотека А. А. Блока. Описание: В 3 кн. / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина; под ред. К. П. Лукирской. Л., 1984—1986. Далее ссылки на это издание даются в тексте в сокращении: *Библиотека Блока*, с указанием номера книги и страницы. В настоящее время стала доступна электронная версия издания, размещенная на сайте ИРЛИ (раздел: «Книжные собрания писателей в библиотеке Пушкинского Дома»). URL: <http://lib2.pushkinskiydom.ru>.

⁴ Подробнее см.: *Грякалова Н. Ю.* К изучению читательских помет и маргиналий А. А. Блока // Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма): Колл. монография / Отв. ред. Н. Ю. Грякалова. СПб., 2017. С. 225—270; *Грякалова Н., Титаренко С.* Маргиналии А. Блока на статьях теоретиков символизма (к феноменологии и герменевтике чтения) // *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*. 2017. Jg. 62. Heft 1. S. 100—115.

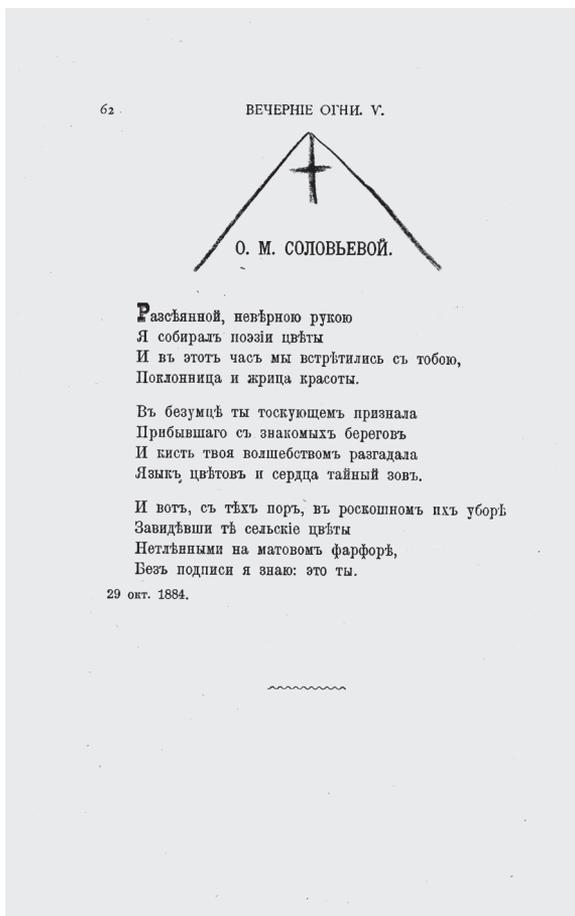
⁵ *Максимов Д. Е.* 1) Материалы из библиотеки А. Блока (к вопросу об А. Блоке и Вл. Соловьеве) // Учен. зап. Ленинград. гос. педагог. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1958. С. 351—386; 2) Ал. Блок и Вл. Соловьев (по материалам из библиотеки Ал. Блока) // Творчество писателя и литературный процесс: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1981. С. 115—189.

да» в составе библиотеки Блока, дальнейшей атрибуции и смысловой идентификации читательских помет и маргиналий, то есть соотнесения их с определенными хронологическими периодами, творческими намерениями и конкретными проектами (порой неосуществленными, что в таком случае требует дополнительных архивных разысканий). Сложность проблемы в том, что во многих случаях Блок обращался к одному и тому же экземпляру неоднократно, в разные годы и с разными целями, используя при чтении различные карандаши (графитовый, красный, синий, химический) или даже чернила, практиковал графические выделения нажимом, в общем, *работал* с книгой. Исследователь фактически имеет дело с палимпсестом, в процессе аналитической операции «расчищая» слой за слоем. Адекватное решение названных задач во всем объеме невозможно в рамках одной статьи. Поэтому в данном случае избран панорамный метод презентации материала. С разной степенью подробности будут рассмотрены *все* имеющиеся в блоковской библиотеке издания Фета, за исключением одного: «Фауст» Гёте в переводе, с предисловием и комментариями Фета (*Библиотека Блока*. Кн. 1. С. 229–230) выделен нами как самостоятельный предмет исследования в контексте «фаустовской темы» в творчестве Блока периода революции, чему будет посвящена отдельная работа. В трех нижеследующих сюжетах будет сделан акцент на фактах не всегда очевидных и остающихся на периферии исследовательского внимания.

1. *Juvenilia*

Никто из поэтов «серебряного века» не был столь органично, «кровенно» связан с лирикой Фета, как Александр Блок, причем и в ранней юности, и в пору зрелости. Ни одна автобиография Блока не обходится без упоминания имени Фета, и всегда — прямо или косвенно — с отсылкой к семье матери (урожд. Бекетова), «причастной к литературе и к науке»,⁶ в атмосфере которой формировались личность будущего поэта-символиста, его художественные вкусы и предпочтения, в том числе восприятие поэтической традиции XIX века как интимно близкой и знакомой. Фету в бекетовском кругу принадлежало особое место. Благодаря О. М. Соловьевой (урожд. Коваленская), двоюродной сестре матери Блока, художнице, иллюстрировавшей первый вы-

⁶ См.: Блок А. Автобиография // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1963. Т. 7. С. 7. Далее ссылки на данное издание даются сокращенно: *Блок*, с указанием тома и страницы.

Страница с пометами А. А. Блока
из книги «Полное собрание стихотворений» Фета (СПб., 1901. Т. 1)

пуск «Вечерних огней», корреспондентке Фета и адресату его поэтического послания («Рассеянной, неверною рукою...»),⁷ фетовская лирика стала частью жизненного уклада дворянской интеллигентной семьи и была возведена здесь в своего рода культ. Об увлечении поэзией Фета представителями разных ее поколений свидетельствует осведомленный биограф и мемуарист М. А. Бекетова.⁸ Важным документальным

⁷ См.: Соловьев С. Воспоминания. М., 2003. С. 78–79.

⁸ Бекетова М. А. Шахматово: Семейная хроника // ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 664, 719, 720, 746–749.

памятником являются стихотворные альбомы матери Блока, Александры Андреевны Кублицкой-Пиоттух: в альбом, датированный 1885—1888 годами, ею переписано шесть стихотворений Фета,⁹ в альбоме 1904—1913 годов их четырнадцать (в том числе с внутренней циклизацией: «Три посмертных стихотворения», «Из последних стихотворений Фета»), отдельно выписана цитата из стихотворения «Глубь небес опять ясна...»: «И из стужи мертвых грез / Проступают капли слез».¹⁰ В том же альбоме находим записанное рукой Блока его раннее стихотворение «Памяти А. А. Фета» («Шепчутся тихие волны...», декабрь 1898), отклик на шестую годовщину со дня смерти почитаемого поэта.¹¹ Эти альбомы репрезентативны как источник сведений о бытовании русской поэтической культуры на рубеже XIX—XX веков — именно так оценивал их впоследствии и сам Блок: собираясь в мае 1919 года по предложению Н. С. Гумилева принять участие в подготовке «Хрестоматии поэзии», нереализованном проекте Института Живого Слова, Блок в отборе материала предполагал использовать помимо прочего «машины тетради (альбомы)».¹² Известно, что через семейство М. С. и О. М. Соловьевых попал к Кублицкой-Пиоттух фетовский автограф стихотворения «Шопену» («Ты мелькнула, ты предстала...»), отложившийся в архиве Блока и недавно введенный в научный оборот.¹³ Блок, чуткий к страницам семейного предания, скрупулезно зафиксировал его историю, вновь подчеркнув интимную близость к фетовско-соловьевской традиции: «„Ты мелькнула, ты предстала“ / Стихотворение Фета / переписанное его рукой. / (для Вл. С. Соловьева). // От мамы ко мне. (Осенью 1912). У мамы — / от Соловьевых (М. С<ергеевич>у / передал Вл. С<ергеевич>».¹⁴

Обладавший от природы прекрасной ритмической памятью, к тому же натренированной вошедшей в моду мелодекламацией, Блок блестяще знал поэзию XIX века, «с упоением декламировал Майкова, Фе-

⁹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 7. № 1. Л. 33—35, 51.

¹⁰ Там же. № 2. Л. 2—5, 6—10 и 30. Данное стихотворение определило важнейший для ранней лирики Блока мотив мертвой (спящей) царевны.

¹¹ Там же. Л. 12—13. Стихотворению в качестве эпиграфа предпосланы заключительные строки стихотворения Фета «В лунном сиянии»: «Выйдем тихонько бродить / В лунном сияньи...», скорее всего процитированные по памяти (в оригинале: «В лунном сиянии!») (Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.; СПб., 1999. Т. 4. С. 66, примеч. на с. 449). Данный автограф здесь, к сожалению, не учтен, на что уже было обращено внимание (Магомедова Д. М. Комментируя Блока. М., 2004. С. 28).

¹² ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 369. Л. 2.

¹³ Петрова Г. В. Еще один автограф А. А. Фета // *ФемСб(1)*. С. 80—84.

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. № 73. См. примеч. 13.

та, Полонского, Апухтина».¹⁵ Характерно, однако, что в тетради «Моя декламация...» (полное название: «Моя декламация, роли, заметки, стихи разных поэтов, выписки из книг и пр.: 1898 и позднейшие университетские времена»),¹⁶ свидетельствующей о его юношеском увлечении, Фет представлен только одним стихотворением — «В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты...» (на л. 54 об. вклеена печатная вырезка), помещенным в разделе под 1898 годом (дата проставлена Блоком позже), и месторасположение стихотворения не позволяет связать его с репертуаром для (мело)декламации, в отличие от текстов других вышеназванных поэтов. Ранее, на л. 29 об. среди записей, относящихся к первым университетским годам и датированных 1901 годом (тетрадь заполнялась не в строго хронологическом порядке), находим следующую помету: «Второй выпуск „Вечерних огней“ содержит в себе 32 мелких стихотв<орения> и поэму „Студент“ (всего 57 страниц)». Запись отсылает к экземпляру из семейной библиотеки, пометы на котором (в частности, отметки «крестиком» целой группы стихотворений) можно отнести к «декламационному периоду». Больше в данной тетради текстов Фета или упоминаний его имени нет.

Видимо, как раз в это время путь к Фету пролегал для Блока через «мамины альбомы» и книги из семейной библиотеки: «солдатенковское» издание 1863 года (Стихотворения. Ч. 1—2),¹⁷ преподнесенное

¹⁵ Блок. Т. 7. С. 13. В биографическом очерке «Александр Блок» М. А. Бекетова пишет о 1898 г.: «Зимой он продолжал заниматься декламацией, <...> любил проносить „Сумасшедшего“ Апухтина, стихи Полонского, Фета» (Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 48). По воспоминаниям двоюродной сестры Блока С. Н. Качаловой (Тутолминой), Блок вписывал в ее альбом стихи «Мея, Фета, Майкова и др.» (ЛН. Т. 92. Кн. 1. С. 294). Родственники по отцовской линии запомнили своего кузена декламирующим апухтинского «Сумасшедшего», а также монологи Отелло и Гамлета (Там же; см. также: Блок Г. Герои «Возмездия» // Русский современник. 1924. Кн. 3. С. 179, 180).

¹⁶ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 175. Структура и содержание тетради, особенно в ее декламационной части, охарактеризованы в статье: Грякалова Н. Ю. «Нетворческие» рукописи в составе академических собраний сочинений (на примере тетради А. Блока «Моя декламация...») // Текстологический временник. Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009. <Вып. 1.> С. 542—549.

¹⁷ По предположению П. А. Журова, впервые предпринявшего попытку реконструкции шахматовской библиотеки, в ней могло быть данное издание, принадлежавшее Блоку («Собрание сочинений изд. Солдатенкова. Не разрезана»), что было отвергнуто М. А. Бекетовой (в письме от 12 февраля 1929 г.) с характерной мотивировкой: «Не помню этой книги, и едва ли могла она быть *не разрезана*, если принадлежала Блоку <...>» (цит. по: Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. С. 633).

Кубличкой-Пиоттух к ее 28-летию (на шмуцтителе дарственная надпись: «6 марта 1888 г. Але»), и четыре выпуска «Вечерних огней» (М., 1883—1891), в красном переплете с золотым тиснением, с инскриптом, принадлежащим П. Н. Краснову: «Але от Платона. 23 апреля 1891 г.».¹⁸ Они испещрены пометами, подавляющая часть которых атрибутируются как блоковские (*Библиотека Блока*. Кн. 2. С. 333—335, 332). Их нижнюю хронологическую границу можно отнести к 1897—1898 годам — началу углубленного постижения Блоком фетовской лирики и усвоения ее «уроков». «Уже его поэтическое призвание вполне обнарижилось, — вспоминал о Блоке лета 1898 года Сергей Соловьев. — Во всем подражал Фету, идей еще не было, но пел. Писал стереотипные стихи о соловьях и розах, воспевал Офелию, но уже что-то мощное и чарующее подымалось в его напевах».¹⁹

Остановимся подробнее на экземпляре «солдатенковского» издания 1863 года, части 1-й, где помещены лирические стихотворения Фета (это издание автор готовил сам).²⁰ В так называемом «<Наброске статьи о русской поэзии>» (далее — *Набросок*), представленном в составе дневника и датируемом декабрем 1901 — январем 1902 года, первом блоковском опыте «прочтения» наследия русской поэтической традиции под знаком Вечно-Женственного начала мира, оно фигурирует как «Желтая книга» (по цвету переплета),²¹ по нему и приводятся Блоком многочисленные фетовские цитаты, инкорпорированные в текст наряду со столь же частотными парафразами. И содержание *Наброска*, и его стилистика выдают в авторе внимательного читателя статьи Вл. С. Соловьева «О лирической поэзии. По поводу последних стихотворения Фета и Полонского» (1890), в большей своей части посвященной «Вечерним огням». Но не только. Блоку была известна публикация писем философа к Фету в первом выпуске символистского альманаха «Северные цветы»: характерно, что из всей подборки отмечено лишь одно письмо — от 27 января 1889 года (текст отчеркнут на полях графитовым карандашом); выдержанное в духе соловьевской иронии, оно представляет собой развернутый парафраз — своего рода компендиум фетовской лирики («...Приветствуют Вас звезд золотые

¹⁸ В «Описании» библиотеки Блока дарственная надпись на шмуцтителе не учтена. Платон Николаевич *Краснов*, переводчик, литературный критик, публицист, был женат на старшей из сестер Бекетовых — Екатерине. Книга была подарена на Пасху, которая в тот год приходилась на 21 апреля.

¹⁹ *Соловьев С.* Указ. соч. С. 383.

²⁰ Пометы Блока на 2-й части издания, куда вошли переводы (*Библиотека Блока*. Кн. 2. С. 334—335), в данной статье не рассматриваются.

²¹ *Блок А.* Дневник. М., 1989. С. 36.

ресницы и месяц, плывущий по лазурной пустыне...» и т. д.).²² Блоковские пометы на «солдатенковском» издании фронтальные, сделаны графитовым карандашом. Большое количество стихотворений отмечены «крестиком» (×), знаком для Блока нейтральным, что, при сопоставлении с такими же пометами на изданиях других авторов, входивших в декламационный репертуар Блока (например, Я. П. Полонского), можно идентифицировать аналогичным образом, то есть отнести к выбору текстов для декламации. Но значительное количество текстов имеют более выразительные маркеры. Тем же «крестиком», но в сочетании с подчеркиванием порядкового номера стихотворения отмечены, например, следующие тексты:

важнейшее для Блока стихотворение «Когда мои мечты за гранью прошлых дней...» (С. 4), бывшее для него «путеводной звездой», к которому восходят заглавия стихотворного цикла «За гранью прошлых дней» (1908) и одноименного сборника лирики, изданного в 1920 году, куда в переработанном виде вошли юношеские стихотворения, но впервые оно цитируется в письме к университетскому приятелю А. В. Гиппиусу от 28 июля 1901 года, затем в *Наброске*, а в 1904 году дважды в письмах к Андрею Белому;

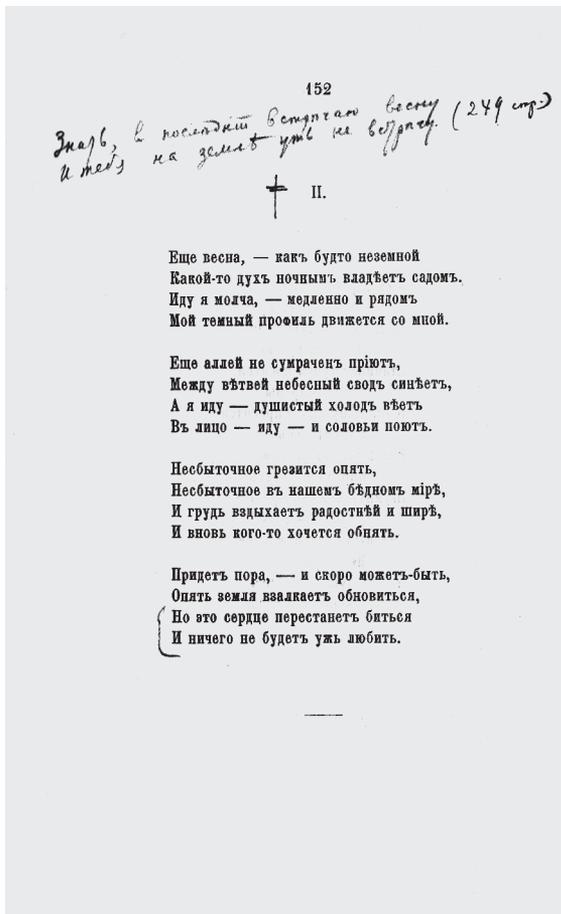
стихотворение «Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой...» (С. 6) (ср. устойчивый образный мотив «Стихов о Прекрасной Даме»: «Там, над горой Твоей высокой, / Зубчатый простирается лес»; «Ты растешь над зубчатой горою...», с контаминацией ст. 3: «Какая тишина! Из-за горы высокой...»);

стихотворение «О, не зови! страстей твоих так звонок...» (С. 173), подчеркнуты также строки: «Но самый прах с любовью, с наслажденьем / Я обойму», которые, наряду с другими, цитируются в *Наброске*, где данное стихотворение оценивается как «содержащее в себе несметные откровения»: «Здесь — провидение того, чему нет названия и нет меры. <...> Довольно одной „песни наудачу“ — и в ответ прольются слезы всепознания»,²³ ср. ранее в стихотворении «В день холодный, в день осенний...» (27 апреля 1901): «Встречу песней наудачу / Новой осени зарю» (у Фета: «И не зови — но песню наудачу / Любви запой»).

Отмечено стихотворение «Как мошки зарею...» (С. 68) (его порядковый номер заключен в квадрат), отчеркнуты строки «Былое стрем-

²² Северные цветы: <Альманах. Кн. 1–3>. М., 1901–1903. <Кн. 1>: Северные цветы на 1901, собранные книгоиздательством «Скорпион». 1901. С. 154–155 (Библиотека ИРЛИ, шифр 94 8/151). См. данное письмо в составе публикации: Переписка Фета с Вл. С. Соловьевым (1881–1892) / Публ. Г. В. Петровой // *ФетСб(2)*. С. 409.

²³ Блок. Т. 7. С. 37.

Страница с пометами А. А. Блока
из книги «Стихотворения» Фета (М., 1863. Ч. 1)

лень / Далеко, как отблеск вечерний» (ср.: «Отблески, сумерки вешние...» в стихотворении Блока «Сумерки, сумерки вешние...», 16 августа 1901).

Знаком удлиненного четырехконечного креста (†) в сочетании с другими пометами в тексте отмечены, в частности, следующие стихотворения:

«Вдали огонек за рекою...» (С. 86), где стихи «Дождешься ль вечерней порой / Опять и желанья и лодки, / Весла и огня за рекой?..» отчеркнуты слева квадратной скобкой (они поставлены Блоком эпиграфом к стихотворению «Сумерки, сумерки вешние...», 16 августа 1901);

«Еще весна, — как будто неземной...» (С. 152), два заключительных стиха отмечены квадратной скобкой: «Но это сердце перестанет биться / И ничего не будет уж любить» (вероятно, в качестве предполагаемого эпиграфа, однако таковым стала строка «Несбыточное грезится опять...», предпосланная стихотворению «Еще бледные зори на небе...», 17 ноября 1902); здесь же находим блоковскую маргиналию: над текстом вписано: «Знать, в последний встречаю весну / И тебя на земле уж не встречу (С. 249)», отсылающую к стихотворению «Чем тоске, и не знаю, помочь...», отмеченному, в свою очередь, удлинненным крестом (вписанные строки процитированы в письме к А. В. Гиппиусу от 28 июля 1901 года, а также в *Наброске*, где комментируются в духе соловьевской философии всеединства²⁴);

«В леса безлюдной стороны...» (С. 227), подчеркнуты и отмечены круглой скобкой стихи: «Опять встречать выходишь ты / Меня на шаткие ступени» (ср. в стихотворениях Блока «Бегут неверные дневные тени...», 4 января 1902: «Ложится мгла на старые ступени... / Я озарен — я жду твоих шагов»; «Я просыпался и всходил / К окну на темные ступени...», 18 сентября 1902);

«На лодке» («Ты скажешь, брося взор по голубой равнине...»), весь текст подчеркнут.

Стихотворение «Вечер» («Прозвучало над ясной рекою...») (С. 202) отмечено с двух сторон крестиками, а название подчеркнуто — в *Наброске* Блок сравнивает его с тютчевским «Тихой ночью, поздним летом...» и интерпретирует под знаком развиваемой им концепции фетовского «отречения» от романтизма в пользу «пророческой» миссии поэта — утверждения идеи Вечной Женственности. Оно могло быть значимо не только «идеологически», но и поэтологически — эффектом неопределенности, достигаемым за счет употребления безличных глагольных форм: «Прозвучало над ясной рекою, / Прозвенело в померкшем лугу, / Прокатилось над рощей немою, / Засветилось на том берегу» (ср. у Блока в стихотворении «Идут часы, и дни, и годы...», 1909: «...вдали, вдали / Звенело, гасло, уходило / И отделялось от земли... / И умерло»).

В ряде стихотворений, не отмеченных никаким знаком, тем не менее выделены отдельные строки, например:

²⁴ Ср.: «Последние строки этого стихотворения, помимо их вполне совершенного элегического настроения, не смущенного ни одним чуждым звуком, явственно и ощутимо выдвигают из ужасной пропасти ту негнущую красоту в окружении веры и веру в окружении красоты, которую тщетно пытались бы поднять из темного лона иные...» (Блок. Т. 7. С. 35–36).

заключительная строфа стихотворения «Бал» («Когда трепещут эти звуки...») (С. 78) отмечена квадратной скобкой: «Чего хочу? иль, может статься, / Бывалой жизнью дыша, / В чужой восторг переселяться / Заране учится душа»;

отчеркнуты первые пять строк в следующем стихотворении: «Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый / Образ пугливо-немой дольше трепещет во мгле... / Самые звуки доступней, даже когда, неподвижен, / Книгу держу я в руках, сам пробегая в уме / Всё невозможно-возможное, странно-бывалое...» (С. 96) (ср. более позднюю реминисценцию в стихотворении «Россия», 1908: «И невозможное возможно...»);

в стихотворении «Весенний дождь» (С. 162) отмечены квадратной скобкой последние два стиха: «И что-то к саду подошло, — / По свежим листьям барабанит» (ср. в упомянутом выше стихотворении «Сумерки, сумерки вешние...»: «Лодка ныряет, качается, / Что-то бежит по реке. // В сердце надежды нездешние, — / Кто-то навстречу — бегу»).

Таким образом, уже на основании далеко не полного перечня блоковских помет можно констатировать, что к «солдатенковскому» изданию Блок систематически обращался, особенно в ранний период творчества (1897—1902), отбирая тексты для декламации, подбирая эпиграфы к стихотворениям, отмечая понравившиеся стихи, отдельные строки и поэтические формулы, афористичные, близкие философско-метафизическим сентенциям, — их он обильно цитировал в письмах к ближайшим друзьям (С. Соловьеву, А. Гишпиусу, А. Белому) и невесте,²⁵ создавая особую ауру интимно-доверительного общения на языке посвященных. Реминисценции и прямые отсылки к поэзии Фета особенно часты в стихах периода «мистического лета» 1901 года. Пометы Блока позволяют установить корреляцию между графическими «жестами», фиксирующими эстетическую реакцию *hic et nunc*, и собственно творческими интенциями поэта. Блок останавливает внимание, как правило, на тех стихотворениях Фета, в которых с наибольшей характерностью проявлены черты его идиостиля: это поэтика неопределенности, намека и недоговоренности, предполагающая опосредованные и даже намеренно скрытые отношения между образом и предметом (означающим и означаемым), что выражается соответствующими грамматическими средствами — употреблением неопределенно-личных местоимений, безличных непереходных глаголов, именных и вопросительных конструкций и т. п., словами с семантикой зыбкости,

²⁵ А. А. Блок — Л. Д. Менделеева-Блок. Переписка 1901—1917 гг. М., 2017. С. 39, 44, 52—53.

переходности (тени, сумерки, сумрак, отблески, отражения), а также усложненной метонимией, перифрастикой, контекстуальной синонимией.²⁶ Редукция личных глагольных форм и усиление значимости именных синтагм (хрестоматийный пример: «Шепот, робкое дыханье...») дают начало так называемому именованному стилю, ставшему парадигмой сложных поэтических систем XX века. Его классические образцы продемонстрирует лирика Блока зрелого периода («Шаги Командора», «Ночь, улица, фонарь, аптека...», «Идут часы, и дни, и годы...» и многие другие), но первые поэтические опыты в данном направлении (те же «Сумерки, сумерки вешние...») были, без сомнения, вдохновлены фетовской поэтикой и на путях своего утверждения выдержали, как и в случае с Фетом, насмешки и глумление «литературных староверов».

Наконец, можно с большой долей вероятности заключить: рассматриваемое издание, первый том которого был разделен на отделы, организованные по тематическому и отчасти жанровому принципу («Элегии», «Подражание восточному», «К Офелии», «Снега», «Гадания», «Мелодии», «Вечера и ночи», «Баллады», «Антологические стихотворения», «Море», «Весна», «Разные стихотворения», «Поэма. Сабина»), в чем проявлялась новая для литературного самосознания эпохи тенденция к лирической циклизации, стало для Блока ориентиром при составлении им летом 1904 года своего первого поэтического сборника «Стихи о Прекрасной Даме». Раздумывая над его структурой и композицией, он отказался от хронологического принципа расположения стихотворений в пользу тематических отделов, тяготеющих к циклам. В записной книжке № 7 отмечено:

«Проект моей 1-ой книги
[I часть — до мистич<еского> лета.
Стихи о Прекрасной Даме].
[Хронологически?] По отделам?».²⁷

Дальнейшие записи свидетельствуют о сложном процессе структурирования книги, определении количества отделов и выборе их названий с целью представить *путь* лирического героя и опыт собственного жизнетворчества как основную лирическую тему. В итоге Блок оста-

²⁶ См.: Григорьева А. Д. Слово и образ Фета // Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Язык поэзии XIX—XX вв.: Фет. Современная лирика. М., 1985; Некрасова Е. А. А. Фет, И. Анненский: Типологический аспект описания. М., 1991. С. 6—39.

²⁷ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 327. Л. 34. Подробно см.: Минц З. Г. О первом томе лирики Блока // Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 395—401. Воспроизводим подчеркивания, как это сделано в указанном издании.

новился на трехчленной композиции, дав отделам названия: «Неподвижность», «Перекрестки», «Ущерб». Подобного способа репрезентации книги стихов, основанной на лирических циклах как ее композиционно-содержательном ядре, Блок будет придерживаться и позже, вплоть до канонической «лирической трилогии» (где, кстати, появится отдел «Разные стихотворения»). Второй сборник стихов «Нечаянная Радость» (1906, на обложке: 1907) Блок разделил на семь отделов: «Весеннее», «Детское», «Магическое», «Перстень-Страданье», «Покорность», «Нечаянная Радость», «Ночная Фиалка» (поэма выделена в самостоятельный отдел); следующий, «Земля в снегу» (1908), — на шесть: «Подруга Светлая», «Мещанское житье», «Вольные мысли», «Песня Судьбы», «Послания», «Снежная Маска» (отдел-цикл состоит, в свою очередь, их двух подциклов: «Снега» и «Маски»). Стихотворным сборникам предпосланы авторские предисловия метаописательного характера, в чем также можно видеть след фетовской авторефлексии — поэт неизменно сопровождал издания своей лирики и переводов объяснительными вступлениями.

При отсутствии конкретных документальных подтверждений подобной рецепции аргументом в пользу выдвинутой гипотезы могут стать читательские пометы Блока, но уже на другом издании — трехтомном «Полном собрании стихотворений» Фета, вышедшем под редакцией Б. В. Никольского в издательстве А. Ф. Маркса в 1901 году (*Библиотека Блока*. Кн. 3. С. 325—332; тома в кожаных переплетах с владельческим тиснением на корешках: «А. Б.», время приобретения неизвестно). В томе 1 внимание Блока привлекла история формирования и публикации первых лирических циклов Фета, что, как известно, осуществлялось Аполлоном Григорьевым,²⁸ и, в частности, их тематическая рубрикация. В предисловии «От редактора» Блоком подчеркнут следующий пассаж: «...первоначальным их составителем был Ап. Григорьев, — составителем очень искусным, глубокомысленным и оригинальным, но крайне причудливым <...>», далее отчеркнуто на полях: «И на самом деле, мы видим, что вначале группировка Григорьева вполне соответствовала творчеству Фета и стихотворения последнего без остатка делились при их первом опубликовании в журналах на „Снега“, „Гадания“, „Вечера и ночи“, „К Офелии“, „Мелодии“, „Элегии“ и т. д. Но уже в издании 1850 года понадобился отдел „Разных стихотворений“: творчество Фета перерастает рубрики Григорьева».²⁹ На данный факт он вновь обратит внимание при чтении книги Фета

²⁸ См.: Кошелев В. А. О композиции сборника «Стихотворения А. Фета» 1850 года // *ФетСб(1)*. С. 30—42.

²⁹ *ПССМ1901*. Т. 1. С. XII (Библиотека ИРЛИ, шифр 94 1/36).

«Ранние годы моей жизни», приобретенной в 1912 году,³⁰ выделив подчеркиванием следующее авторское свидетельство: «Все размещения по отделам с отличительными прозваниями производилось трудами Григорьева».³¹ Эти пометы логично отнести ко времени подготовки, с осени 1914 года, тома «Стихотворений» Ап. Григорьева и предварявшей его статьи «Судьба Аполлона Григорьева». Однако центрирование внимания именно на тематическом принципе структурирования стихотворных сборников Фета весьма симптоматично как подтверждение первоначальной творческой интенции. С другой стороны, не исключено, что в периоды работы над переизданиями «собрания сочинений» и «трилогии вочеловечения» в 1915—1916 годах для Блока вновь становился актуальным тот опыт композиции книги стихов, который был в свое время инициирован Фетом.

2. О библиофилии, «русском Катулле» и ошибках памяти

Уже на первых курсах университета, особенно с переходом в 1901 году с юридического на славяно-русское отделение историко-филологического факультета, Блок приступил к формированию своего личного библиотечного собрания. Записные книжки этого периода содержат многочисленные отметки о покупке книг (в первую очередь по университетскому курсу) с указанием их стоимости, о посещении известного своей букинистической торговлей Александровского рынка, о внимании к издательским и антикварным каталогам — их в течение жизни была собрана целая коллекция. Склонность к систематичности и аккуратности — характерологическая черта Блока — отразилась и на его отношении к приобретаемым книгам: многие из них содержат владельческие надписи, отметки о времени и месте покупки, отдельные удачные приобретения, в том числе дополняющие неполные комплекты имеющихся изданий или же восполняющие утраченные экземпляры, отмечены записями в дневнике и записных книжках. О взыскательном эстетическом вкусе владельца свидетельствуют элегантно переплетенные с владельческим тиснением на корешках (инициалы «А. Б.»), встречается и серийный тип оформления. Так, некоторые издания римских поэтов в переводах Фета оформлены в зеленые переплеты с золотым владельческим тиснением на корешках. «Страстный классик», как характеризует его биограф, уже в гимназии проявивший

³⁰ Блок. Т. 7. С. 158.

³¹ РГ. С. 210 (Библиотека ИРЛИ, шифр 94 8/225).

интерес к классическим языкам, особенно латинскому;³² Блок собрал значительный корпус книг по истории и философии Древней Греции и Рима, по античной литературе, среди них — редкие издания Катулла, Горация, Вергилия на языке оригинала, приобретенные в разное время, что зафиксировано пометами владельца (*Библиотека Блока*. Кн. 3. С. 43, 98, 157). Переводы Фета представлены элегиями Катулла, Тибулла, Проперция, сатирами Ювенала, Персия, «Метаморфозами» («XV книг Превращений») Овидия, комедией Плавта и эпиграммами Марциала (см. по указателю имен: *Библиотека Блока*. Кн. 3). Все издания (кроме последнего, скорее всего Блоку не принадлежавшего) — либо в переплетах с владельческим тиснением, как указано выше, либо с владельческой надписью на титульном листе («Превращения» Овидия); полностью отсутствуют какие-либо пометы на «Элегиях» Тибулла, «Сатирах» Персия, комедии Плавта «Горшок» («*Aulularia*»). Ни на одном из экземпляров не указана дата приобретения, что усложняет хронографию помет и их идентификацию. Но все же некоторые «улики» обнаруживаются.

Выясняется, например, что «Элегии» Проперция (отдельный оттиск из «Сборника статей по классической филологии») были отданы в переплетные работы на фабрику М. Н. Гаевского летом 1904 года вместе с другими книгами — их перечень с указанием стоимости работ приведен в записной книжке № 7:

[Гаевскому отд<ано> на лето.

Д. Давыдов (3 т<ома> в один) — 45 <коп.>

И. Дмитриев (2 т<ома> в один) — 45 <коп.>

D'Annunzio, Le Feu — 60 <коп.> (желт<ая> кожа)

³² Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. С. 42. См.: *Кумпан К. А.* О преподавании «древних языков» во Введенской гимназии (Еще раз к вопросу «Блок и античность») // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991. С. 151—157. На первом и втором курсах историко-филологического факультета Блоком были подготовлены два «латинских реферата» — о Горации и о сборнике «*Amores*» Овидия в сопоставлении с его же «Метаморфозами». Ср.: «Блок занимался в семинарах такого выдающегося ученого-классика, как профессор И. И. Холодняк, комментировавший „Записки о Галльской войне“ Юлия Цезаря, избранные оды Горация, комедии Теренция и „Энеиду“ Вергилия; прослушал он и курс истории римской литературы у того же преподавателя. Древнюю историю читал Ф. Ф. Соколов, комментировал авторов и вел небольшие курсы знаменитый Ф. Ф. Зелинский <...>, тексты интерпретировали также доцент Е. М. Придик и <...> В. П. Ернштедт. Посещал Блок и семинар, посвященный любовным элегиям Овидия („*Amores*“) у доцента Б. В. Варнеке» (*Вулих Н. В.* «*Amores*» Овидия в интерпретации Блока // Там же. С. 142—150). Об ошибках Блока в переводах латинских текстов см.: *Гаспаров М. Л., Котрелев Н. В.* Блок и латынь // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 169—171.

Мережк<овский>. Трил<огия> (2 ч<асти> в одну) — 1 р<уб.> (красн<ый> саф<ьян> с бум<азеей?>)

Штоль — мифы (2 ч<асти>) — 45 <коп.>

Вместе: Энеида,
Героини, **Проперций**,
Феокрит } — 45 <коп.>

Fustel de Coulange<s> — 45 <коп.>

Гораций. <Bibliotheca> Teubn<eriana> — 60 <коп.> (золотист<ый> коленк<ор>)

Дже<й>мс, Психол<огия> — 45 <коп.>

Виндельб<анд>. Древн<ая> филос<офия> — 45 <коп.>

Всего — 5 <руб.> 35 <коп.>].³³

Годом ранее, 14 августа 1903 года, за три дня до свадьбы, в записной книжке № 6 Блок оставил лаконичную запись: «Фет — о женщинах»,³⁴ которая до сих пор не прокомментирована. Восполнить лакуну, в том числе и хронологическую, помогают блоковские пометы на предисловии Фета, где объясняется роль Проперция, создателя четырех книг элегий, обращенных к возлюбленной — гетере Цинтии, в развитии римской любовной лирики. Блоком, адептом метафизики Вечной Женственности, увлеченным поисками «обосновани<я> женственного начала в философии, теологии, изящной литературе, религиях»,³⁵ как и выявлением «внешних» его форм, были глубоко лично восприняты и спроецированы на собственную драматическую коллизию любовных отношений (поэт, его Идеал и реальная женщина-возлюбленная) следующие комментарии переводчика (начальный фрагмент отчеркнут на полях двойной чертой, далее после подчеркивания — волнистой линией): «Развивая один за другим свитки элегий Проперция, мы с первых строк и до последних, <...> встречаемся лицом к лицу с женщиной, составляющею главное содержание, тогда как другое является только вспомогательным средством. Выбора нет: или мы должны понять эту женщину и ее отношение к поэту, или отказаться от всякого понимания. Эта женщина — гетера Цинтия».³⁶ Не здесь ли истоки блоковской

³³ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 327. Л. 43 (Выделено мною. — Н. Г.). Фрагменты отсутствующие или неточно переданные в единственном пока издании записных книжек Блока, подготовленном В. Н. Орловым (М., 1965; ссылки на данное издание даются сокращенно: ЗК, с указанием страницы), приводятся по рукописному источнику.

³⁴ ЗК. С. 54.

³⁵ Блок. Т. 7. С. 48.

³⁶ Проперций Секст. Элегии / Предисл. и примеч. А. Фета // Сб. статей по классической филологии. 1888. Вып. 2. С. 12–13 (Библиотека ИРЛИ, шифр 94 1/100 алл. 3).

«антитезы», предчувствие «изменения облика» и превращения образа идеальной возлюбленной в Незнакомку и *femme fatale*?

Автор предисловия делал акцент на гендерных, говоря современным языком, представлениях, господствовавших в античном обществе, разъясняя понятие «гетера» и узус его употребления в Древней Греции и Риме, а в связи с этим и воззрения древних на семейную жизнь, что привлекло внимание Блока, мистически переживавшего грядущее таинство бракосочетания. Им отчеркнут на полях следующий фрагмент: «Строго логический римлянин понимал, что без твердых семейных начал нет ни твердой гражданственности, ни государственно-го единства. Поэтому, если явление гетер нимало не шло наперекор эстетическому настроению грека, все большее увлечение этим прошлым элементом было со стороны римлянина семейною, а потому и государственно изменою, за которую Рим расплатился своим бытием».³⁷

Несколько абзацев предисловия были посвящены рассуждениям об отличии любви как «полового влечения» и «семейной жизни», что иллюстрировалось образом Дон-Жуана из одноименной драмы А. К. Толстого — героя, находящегося в постоянном поиске «идеала». Нет сомнения, что эта концепция воспринималась Блоком в контексте статьи Вл. Соловьева «Смысл любви»: проникнутая пафосом платоновского учения об Эросе, она вдохновляла адепта на поиски разноликих форм «воплощения» идеального образа «в другом, низшем существе той же женской формы, но земной природы».³⁸ В отличие от философа-метафизика, Фет психологизирует проблему, однако в данный момент именно подобный ракурс оказался близок Блоку, находившемуся в состоянии напряженной интроспекции. На полях отчеркнуто: «Он (Дон-Жуан. — Н. Г.) не догадывается, что идеал находится в том ненормально восторженном состоянии, в которое он как раз впадает, и потому в качестве идеала не может быть тождествен с каким-либо реальным явлением».³⁹ Таким образом, приведенные примеры указывают на специфическую тематическую избирательность внимания Блока-читателя в данный период его жизни и позволяют датировать блоковские пометы августом 1903 года.

Дата покупки «Стихотворений» Катуллы и «Элегий» Тибуллы известна точно — она зафиксирована Блоком в дневнике 1912 года:

3 октября. Сегодня я достал на Литейной первые издания Катуллы и Тибуллы — Фета.⁴⁰

³⁷ Там же. С. 15.

³⁸ Соловьев В. С. Собр. соч.: В 9 т. СПб., <1901—1907>. Т. 6. С. 406. См. пометы: Библиотека Блока. Кн. 2. С. 259—260.

³⁹ Проперций Секст. Элегии. С. 13.

⁴⁰ Блок. Т. 7. С. 160.

Это был период очередного приступа *mania bibliophilia*, периодически настигавшей поэта. Так уже случилось в октябре 1904 года, когда были приобретены антикварные «*Carmina*» Катуллы 1788—1792 годов издания, «*Opera omnia*» Вергилия (1818), или в самом конце 1909 года в Ревеле: пометой «Al. Block. 31. XII. 1909. Reval» отмечены такие книжные раритеты, как лейпцигское издание Гомера (1820), амстердамские издания сочинений Горация (1650) и комедий Плавта (1721)... Теперь настал черед Фета: накануне была приобретена книга его мемуаров, а запись о покупке сопровождается комментарием, дающим представление о культуре чтения на рубеже веков и вкусах элитарного и массового читателя.

25 сентября. Библиофилия начинает съедать меня. Сегодня я купил первые два полутома Andre Michel'я (в переплетах), докупил Кальдерона (т. III и т. II, который у меня летом изорвали актеры) и нашел у Маркса «Ранние годы моей жизни» Фета (оказывается, никто не спрашивает, и издание, которому уже 19 лет, не распродано).⁴¹

28 сентября. Библиофилия. Купил на Владимирской Ап. Григорьевая за 8 руб., Державина 43-го года — четыре книги в двух переплетах, «Русскую народно-бытовую медицину» Попова (Тенишевское издание). У Балашова — Бердслея «Скорпиона», только что вышедшего.⁴²

Нет сомнения, что уже самое первое, буквально по горячим следам, знакомство с «русским Катуллом»⁴³ побудило Блока обратиться к оригиналу (а таковой, как мы помним, был приобретен еще в октябре 1904 года), что, конечно, потребовало словаря, а в итоге вылилось в саркастичную резиньяцию:

4 октября. <...> Купил большой латинский словарь. — Утром порадовал меня Катулл, особенно то стихотворение, первую строку которого прочел мне когда-то Волошин, на Галерной, когда я был еще вовсе глуп.

Super alta vectus Atys celeri rate maria,
Phrygium nemus ci tato cupide pede tetigit...⁴⁴

⁴¹ Блок. Т. 7. С. 158. Сохранились также два тома мемуаров Фета «Мои воспоминания: 1848—1889» (М., 1890. Ч. 1—2) с пометами Блока (*Библиотека Блока*. Кн. 2. С. 332—33), о чтении которой во время пребывания в Шахматове сделана запись от 23 июня 1914 г.: «Дни тянутся. Флобер, да воспоминания Фета, да еда, да природа. И скука и прелесть» (ЗК. С. 233).

⁴² Блок. Т. 7. С. 158.

⁴³ Ср. в стихотворном посвящении Вл. С. Соловьеву, предпосланном переводу: «Прости! Лавровому венцу / Я скромной ивой подражаю, / И вот Веронскому певцу / Катуллом русским отвечаю».

⁴⁴ По морям промчался Атис на летучем, легком челне,
Поспешил проворным бегом прямо в глушь фригийских лесов...
(Пер. с лат. А. Пиотровского).

xxvii

лемь и гребцами. Съ Сирмиона и изъ Вероны Катулль по свиданіи съ отцомъ снова вернулъ въ Римъ, гдѣ написалъ (10) характерную картину изъ тогдашнихъ нравовъ.

Въ Римѣ Катулль, свободный на этотъ разъ отъ исключительной страсти къ Лезбіи, могъ предаться свѣтской жизни въ кругу друзей. Какъ ни справедливъ былъ въ послѣдствіи Горацій, указывая на всемірное владычество и богатство, какъ на причину упадка римскихъ нравовъ, а Ювеналь черезъ 200 лѣтъ въ своей ненависти къ юркимъ Грекамъ, вѣрность ихъ указаній не въ силахъ измѣнить исторической цѣпи причинности. Во время Цицерона и Катулла Римъ давно уже кипалъ греческою образованностью, и на первыхъ порахъ Римъ наукъ и искусствъ начинался именно тамъ, гдѣ кончалась Греція, т. е. въ Александріи. Нравственная разнузданность Лезбіи (Клодіи) роиаетъ се въ нашихъ глазахъ и уронила въ глазахъ Катулла, но Вестфаль совершенно справедливо говорить: «Безъ любви къ Лезбіи, Катулль никогда бы не вышелъ изъ круга Александрійской поэзіи».

Понятно, что по возвращеніи въ Римъ, Катулль еще тѣснѣе прильнулъ къ кружку старыхъ литературныхъ друзей. Римъ въ то время кишѣлъ признанными и непризнанными стихотворцами. Мы уже видѣли, что серьезные чиновники, преторы и нубантные ораторы предавались писанію стиховъ. Понятно, что для истинныхъ жрецовъ искусства подобныя стихотворцы и ихъ стихи были истинной карой, какъ это видно изъ самыхъ произведеній Катулла. Въ настоящее время ограничимъ указаніемъ на тѣхъ истинныхъ друзей поэта, въ кругу которыхъ снова жила и отчасти измѣнилась его муза.

Страница с пометами А. А. Блока на очерке Фета «Жизнь Катулла» в книге «Стихотворения Катулла» в переводе и с объяснениями Фета (СПб., 1886)

Вчера, ночью и утром — стыд за себя, за лень, за мое невежество в том числе. Еще не поздно изучать языки.⁴⁵

Речь идет о 63-м стихотворении Катулла (Сарт., 63), согласно новоевропейской традиции озаглавленном «Аттис» (у античных лириков стихи заглавий не имеют). В принадлежавшем Блоку экземпляре этот текст содержит ряд помет графитовым карандашом, как и во мно-

⁴⁵ Блок. Т. 7. С. 160.

гих других текстах, а также в подстрочных примечаниях (*Библиотека Блока*. Кн. 2. С. 24–25). Их можно считать синхронными первому чтению (октябрь 1912). С карандашом в руках прочитаны Блоком «Предисловие», очерк «Жизнь Катулла», но здесь уже использовались синий и красный карандаши с характерным нажимом. Эти пометы сделаны гораздо позже и переносят в совсем другое время, а именно в 1918 год, когда Блок, с 22 апреля по 16 мая, был занят подготовкой лекции в недавно открывшейся Школе журнализма.⁴⁶ Центральной фигурой был избран Люций Сергий Катилина, мятежник и бунтарь, возглавивший в 62 году до н. э. государственный заговор против римского нобилитета, образ, вдохновивший в эпоху европейских революций середины XIX века молодого тогда Генрика Ибсена на создание одноименной исторической драмы (1850). Очерк под названием «Катилина. Страница из истории мировой Революции» выйдет отдельным изданием в 1919 году. Лишь отчасти следуя методу исторических аналогий и уходя от интерпретации личности протагониста в духе ибсеновской «драмы сознания», Блок превращает тему Древнего Рима в сложную метафорическую конструкцию, где историческое и антропологическое взаимно соотношены, а смена исторических эпох представлена через аффект и эксцесс — бунт, заговор, революционный порыв, сексуальную перверсию. В записи от 22 апреля первое упоминание «Катилины» сопровождается предварительным списком источников: это «Реальный словарь классической древности» Ф. Х. Любкера, «Малый энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, «Очерк римской истории и источниковедения» немецкого историка Б. Низе, статья И. Бабста «О Саллюстии и его сочинениях» (Пропилеи. 1851. Кн. 1), исторические памятники — «О заговоре Катилины» Саллюстия, речи Цицерона против Катилины (известные Блоку с гимназических времен) и, конечно, драма Ибсена.⁴⁷ Несмотря на тщательное, как всегда, изучение литературы (почти все материалы сохранились в блоковской библиотеке, большинство из них содержат пометы и маргиналии в виде подчеркивания отдельных строк, фраз, имен, дат, отчеркиваний фрагментов текста, порой всей страницы, мнемонических знаков на полях, в том числе NB), Блок в течение нескольких дней находился в поисках побудительного импульса к письму. И таким кульминационным моментом стало воспоминание о катуллово «Аттисе» в переводе Фета, что в итоге определило не просто композицию очерка о «римском большевике», но его

⁴⁶ См. подробнее: *Грякалова Н. Ю.* Александр Блок и Школа журнализма (из хроник революционного времени) // Перелом 1917 года: Революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы. М., 2017. С. 94–112.

⁴⁷ *ЗК*. С. 402.

нерв. Блок зафиксировал это творческое мгновение, прорвавшееся сквозь обыденность и усталость:

27 апреля. Катилина. Все утро — тщетные попытки. Шорохи тети и рояль за стеной доводят почти до сумасшествия. Все двери заперты (как всю неделю). Днем — беспокойный сон *старика*. О, если б отдохнуть! — Вдруг к вечеру — осеняет (63-е стихотворение Ювенала (правильно: Катулла. — Н. Г.) — ключ ко всему!). Сразу легче.⁴⁸

Блоковская ошибка, скорее aberrация памяти, могла быть, во-первых, «подсказана» фетовским примечанием к «Аттису», где упоминаются «крайности времен Ювенала» как раз в связи с сюжетом стихотворения, во-вторых, стать следствием параллельного чтения предисловия Фета к переводу «Метаморфоз» Овидия (у Фета — «Превращений») — темы для «Катилины» магистральной. Ибо, как замечает современный исследователь, вводящий тему превращения, метаморфозы в контекст интереса Блока к русскому мистическому сектантству, в частности к скопчеству, «в „Катилине“, стилизованном под политическую историю, революция совершается над телом и направлена против государства».⁴⁹ Но здесь Блока заинтересовал также и другой момент, важный в общем контексте замысла, а именно характеристика имперского Рима со ссылкой на сатиры Ювенала. Им подчеркнут следующий фрагмент: «Что такое Рим поначалу и по своей природе? Разбойничье гнездо, на что указывает Ювенал в своем раздражении», далее цитата из 8-й сатиры отчеркнута круглой скобкой: «И хоть в древности ищешь и выводешь издревле / Имя, все же ведешь от притона ты гнусного род свой» (Sat. 8, 272).⁵⁰ Кроме того, внимание Блока привлекла идея извечного противостояния власти и поэта. Повествуя о судьбе Овидия-изгнанника, Фет объясняет причину недовольства властей Рима поэтом через аллгорию мифа об Актеоне, изложению

⁴⁸ Там же. С. 403.

⁴⁹ *Эткинд А.* Хлыст: Секты, литература и революция. М., 1998. С. 382. Ср. примечание Фета с указанием на параллель в отечественной традиции (отчеркнуто Блоком): «...но опыт показывает нам, что люди, покотившиеся по душевно животному склоню, доходят в поклонении Венере до крайностей времен Ювенала, а покотившиеся, вопреки врожденным инстинктам, по противоположному духовному склоню, доходят в своей ненависти к Венере тоже до крайности, заставляющей и наших скопцов находить величайшую отраду в умножении прозелитов» (Стихотворения Катулла / В пер. и с объясн. А. Фета. СПб., 1886. С. 71—72 (Библиотека ИРЛИ, шифр 94 1/102)).

⁵⁰ *Овидий Публий Назон.* XV книг превращений / В пер. и с объясн. А. Фета. М., 1887. С. VII (Библиотека ИРЛИ, шифр 94 2/72). Пометы Блока только в предисловии.

которого посвящена одна из пятнадцати книг «Превращений»: «Сам Овидий случайно видел духовную наготу земного бога, а Август, оставаясь верен своему служению, не мог ему простить этого несчастья».⁵¹ Блок, увлеченный сложной диалектикой мифа, метафоры и метаморфозы, отметил данный фрагмент, отчеркнув его карандашом.

Вернемся к 63-му стихотворению Катулла. Миф об Аттисе, захваченном оргийным культом богини Кибелы и оскотившем себя в припадке иступления, был переложен Катуллом «прерывистым», «скачущим» галлиямбическим размером, передающим произошедшую с Аттисом метаморфозу: «...стих, как сам Аттис, меняется; прерывистость покидает его; из трудного и мужественного он становится более легким, как бы женственным <...>».⁵² У Блока этот размер ассоциировался еще и с неровной походкой Катилины («то ленивой, то торопливой») и его экстагическим состоянием. Очевиден параллелизм между сюжетно-психологической коллизией очерка и некоторыми замечаниями Фета, например следующим примечанием, на которое Блок обратил внимание: «Своим лихорадочно-торопливым размером стихотворение прямо вносит нас в самое событие (*in medias res*)».⁵³ Отметим и обращение Блока к концепту *событие*, феномену, связанному с экзистенциальными аспектами мировосприятия, камертону ритмов мировой истории, которые не всем дано уловить: «Большая часть людей всегда ведь просто не может себе представить, что *бывают события*».⁵⁴

Перевод Фета нельзя признать удачным, хотя автор и отмечал свое стремление к точности в воспроизведении стихотворного размера: «Настоящий малый эпос (эпиллион) написан изысканным и трудным галлиямбическим размером, который мы по возможности старались сохранить. Размер этот вполне выражает противоположности оргиастически-шумных и порывистых впечатлений с печальными».⁵⁵ «Изысканный и трудный» стихотворный размер передан у Фета шестистопным хореем, что не могло пройти мимо чуткого поэтического слуха Блока, сторонника, хотя и непоследовательного, эквиритмии, и он вынес безапелляционный приговор: «На русском языке есть перевод Фета. К сожалению, настолько слабый, что не решаюсь пользоваться им и позволяю себе цитировать несколько стихов по-латыни для того, чтобы дать представление о размере, о движении стиха, о том внутреннем звоне, которым проникнут каждый стих».⁵⁶ В тексте фетовского

⁵¹ Овидий Публий Назон. XV книг превращений. С. IX.

⁵² Блок. Т. 6. С. 81–82.

⁵³ Стихотворения Катулла. С. 70.

⁵⁴ Блок. Т. 6. С. 84–85.

⁵⁵ Стихотворения Катулла. С. 69.

⁵⁶ Блок. Т. 6. С. 81.

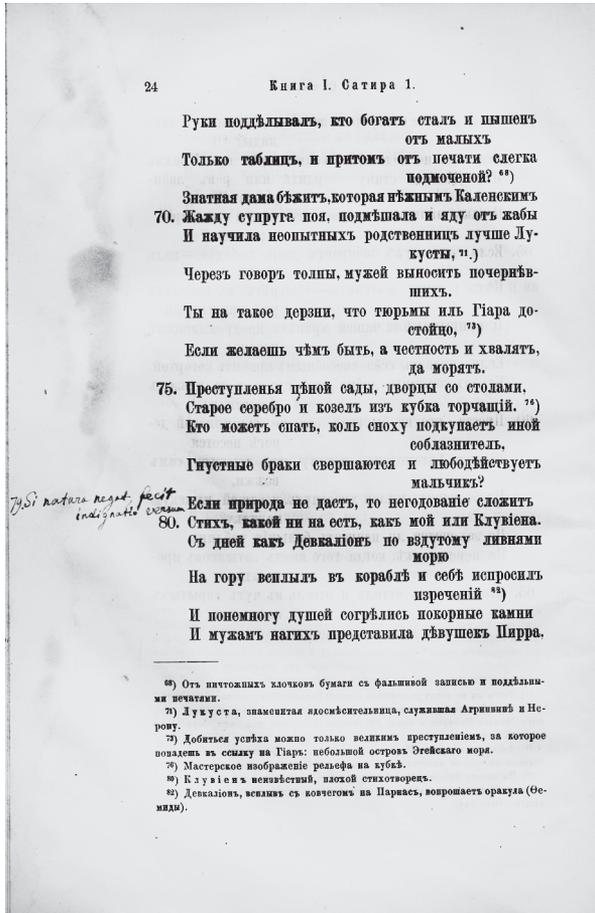
перевода им отчеркнуты те фрагменты, которые он процитирует на языке оригинала. В то же время он оперировал сведениями, почерпнутыми из предисловия и очерка о Катулле, которого назвал, лишь несколько изменив фетовскую формулу, «латинский Пушкин» (в предисловии фраза «римский Пушкин» подчеркнута красным карандашом), использовал характеристики нравов Древнего Рима, а в пересказе содержания стихотворения ориентировался на фетовские примечания, ре-интерпретируя их в духе модернистского дионисизма. Так, в примечании к заключительным строкам стихотворения он выделил лишь соответствующие синтагмы: «...если безумие присуще человеческой природе и кому-нибудь необходимо безумствовать, то дай Бог, чтобы этим безумцем не был я».⁵⁷ Все эти пометы, концептуально значимые для Блока, позволяют и «русского Катулла» в аранжировке Фета присоединить к ряду уже известных источников очерка «Катилина».

1919-й год стал для Блока временем новой волны актуализации наследия Фета. Дата «Май 1919» стоит под авторским предисловием к сборнику «За гранью прошлых дней», где фетовское стихотворение процитировано полностью как программная декларация: таким образом поэт утверждал принцип ретроспекции в презентации собственного творчества. 5 июня окончено предисловие к плану массового издания поэтической хрестоматии для Института Живого Слова (одна из филиаций Театрального отдела Наркомпроса),⁵⁸ где Блок взял на себя составление отдела поэзии 1840-х — 1890-х годов (начиная с Лермонтова и до Бальмонта). Проект не осуществился, однако предварительная работа была проделана, в том числе и по отбору стихотворений Фета, с изначальной установкой на «неограниченное число листов».⁵⁹

⁵⁷ Стихотворения Катулла. С. 70. Ст. 91—93 отчеркнуты Блоком прямой скобкой: «О великая Цибеба, ты Диндима божество, / Пусть навек мой дом не знает страшной ярости твоей! / Возбуждай уже других ты и других быстрее гони» (Там же. С. 75). В очерке Блок дает свою версию прозаического перевода: «Великая богиня, да минует меня твое неистовство, своди с ума других, а меня оставь в покое», считая, что «поэт сам испугался того, что он описал» (Блок. Т. 6. С. 82).

⁵⁸ См. примеч. 12. Опубликовано: Блок А. Собр. соч.: В 12 т. Л., 1934. Т. 11. С. 437.

⁵⁹ Ср.: «Я начал выбирать, надеясь на неограниченное число листов» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 369. Л. 2), однако в итоге объем был ограничен шестью печатными листами: «По моему настоянию выторговано шесть листов — maximum: лист — 16 страниц по 40 стихов, т. е. всего 640 стихов, в 6-ти листах — менее 4000 стихов (3840). Это очень мало, если принять во внимание, что в этом пятидесятилетии было до ста поэтов, среди которых, не считая Лермонтова, Тютчев, Фет, Полонский, Ап. Григорьев, Майков, Некрасов, Мей, Вл. Соловьев...» (Там же. Л. 3). Впоследствии все фамилии, кроме Лермонтова, зачеркнуты.

Страница с пометами А. А. Блока на 1-й сатире Ювенала в книге «Сатиры» Ювенала в переводе и с объяснениями Фета (М., 1885)

Июлем того же года датировано «Предисловие» к поэме «Возмездие», которое несет следы обращения к «Сатирам» Ювенала в переводе и с объяснениями Фета, что еще не было отмечено комментаторами. В очерке «Жизнь и творения Ювенала» Блок обращает внимание на ряд суждений, где используются концепты «негодование», «гнев», дериваты лексемы «бич»,⁶⁰ опорные при характеристике творчества рим-

⁶⁰ Например, Блоком отчеркнуто о Ювенале, который «вследствие негодования предался сатире», а также фрагмент, где акцентируется связь творчества римского сатирика с философией стоиков: «Не таков идеал ювен<a>ловой сатиры. Бичуя современные уклонения, Ювенал твердо верит в коренные римские доблести

ского сатирика, благодаря которому в европейской традиции сложился определенный семантический ореол ямба — выражение эмоции гнева и возмущения общественными пороками и несправедливостью (ср. пушкинское: «О муза пламенной сатиры! / Приди на мой призывный клич! / Не нужно мне гремящей лиры, / Вручи мне Ювеналов бич!» или характеристику Ювенала, данную Жуковским: «...он бич порочных и порока»). В таком случае рассуждение Блока о ямбе как адекватном отражении ритмов кризисной современности 1910-х годов (ср. в Прологе к «Возмездию»: «Дроби, мой гневный ямб, камня!») можно интерпретировать в диалогическом контексте, насыщенном своего рода параллелизмами — словами-сигналами. Ср.: «Я думаю, что простейшим выражением ритма того времени, когда мир, готовившийся к неслыханным событиям, так усиленно и планомерно развивал свои физические, политические и военные мускулы, был *ямб*. Вероятно, потому повлекло и меня, издавна гонимого по миру бичами этого ямба, отдаться его упругой волне на более продолжительное время».⁶¹ А 6 августа 1919 года, преодолев издательские перипетии, в том числе вызванные обстоятельствами революционного времени, наконец-то вышел в свет сборник под заглавием «Ямбы. Современные стихи». Он объединил стихотворения 1907—1914 годов, часть из которых своей текстологической историей были связаны с черновыми редакциями поэмы «Возмездие».⁶² Семантика ямба кодирует его культурно-исторический генезис и традицию, богатую литературными ассоциациями. И потому эпиграф к сборнику, представляющий собой усеченный стих из первой сатиры Ювенала, ставший крылатым фразеологизмом: «*Fecit indignatio versum*» (Sat. I, 79) (Негодование рождает стих — *лат.*), — оправдывал свою интертекстуальную функцию вполне. Полностью стихотворная фраза «79. Si natura negat, fecit indignatio versum»⁶³ была вписана рядом с фетовским переводом: «Если природа не даст, то негодование сложит / Стих <...>» (запись сделана орешковыми чернилами, использовавшимися Блоком в это время).⁶⁴

и здравомыслие. Мало того, что он стоит на самой высоте стоического учения, указывающего не только на должное, но и на причину: почему?» (*Ювенал Деций Юний*. Сатиры / В пер. и с объясн. А. Фета. М., 1885. С. 17, 10 (Библиотека ИРЛИ, шифр 94 1/37)).

⁶¹ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 49.

⁶² Подробнее см.: Лоцинская Н. В. <Прембула к разделу «Ямбы»> // Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 669—674.

⁶³ Блок неточен: в оригинале глагол употреблен в настоящем времени — *facit*.

⁶⁴ *Ювенал Деций Юний*. Сатиры. С. 24. Толково-фразеологический словарь М. И. Михельсона дает такую версию перевода: «Если природа не одарила, то гнев порождает стихи». Буквально: Если природа отказала в таланте, то гнев рождает стихи.

Но казус в том, что в эпитафии к «Ямбам» Блок ошибочно приписал цитату другому римскому поэту — Горацию, повторив ошибку Ап. Григорьева (эпитафия к стихотворению «Героям нашего времени»), которую не заметил при работе над изданием его стихотворений.⁶⁵ Возможно, мы вновь имеем дело с феноменом аберрации памяти: ведь Блок был прекрасно осведомлен об «Эподах» Горация, написанных ямбом, и, конечно, знал 79-й (как и у Ювенала!) стих из «Послания к Пизонам» («*Ars poetica*»): «Яростный гнев снабдил Архилоха оружием ямба».⁶⁶ Как бы то ни было, но поэт вынужден был реагировать на ситуацию вплоть до уничтожения бракованных страниц. Так, инскрипт на книге, адресованный Н. А. Нолле-Коган, был дополнен характерным примечанием: «Страницы 5–6 вырваны, чтобы не позорить автора», а в сопроводительном письме от 7 сентября 1919 года он даже пытался найти психологическое объяснение случившемуся: «Простите, что „Ямбы“ немножко надорваны внутри, но: 1) это — единственный у меня сейчас экземпляр на роскошной бумаге; 2) сам я тоже надорвался и, вероятно, давно. Как же дальше-то жить будем?».⁶⁷ Ошибка была исправлена Блоком в корректуре третьего тома очередного издания «лирической трилогии»,⁶⁸ готовившегося в издательстве «Земля», но не состоявшегося. Скорее всего, именно тогда Блок для уточнения вновь обратился к фетовскому переводу «Сатир» Ювенала и вписал 79-й стих. Правка Блока была учтена в следующем, «алконостовском» издании третьего тома 1921 года, однако его поэт уже не увидел...

3. Следы неосуществленного

Конец 1919 года ознаменовался для Блока участием в еще одном неосуществленном проекте ранних советских лет, ориентированном на массового читателя, — серии «Сто лучших русских книг». Серия была задумана под эгидой «Издательства З. И. Гржебина» как аналог

⁶⁵ См.: *Небольсин С. А.* История двух совпадений // Литературная учеба. 1978. № 3. С. 224–226.

⁶⁶ *Гораций Квинт Флакк.* Оды, сатиры, послания / В пер. и с объясн. А. Фета. СПб., 1898. 2-е изд. С. 458. Блоком была внимательно прочитана статья «Кв. Гораций Флакк» в «Словаре классической древности» Любкера (см.: *Библиотека Блока.* Кн. 2. С. 122), а курс лекций Ф. Ф. Зелинского, посвященный «Науке поэзии» Горация, тщательно проработан (см.: Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 402–409).

⁶⁷ *ЛН.* Т. 92. Кн. 2. С. 340.

⁶⁸ *ИРЛИ.* Ф. 654. Оп. 2. № 4.

горьковского проекта «Всемирная литература», только на русском материале: это должны были быть доступные по цене, но в то же время выверенные текстологически, оснащенные справочным аппаратом издания русских авторов. Блок с энтузиазмом отнесся к новой идее и, привлеченный к разработке плана издания (который разросся до 250 томов!),⁶⁹ успел составить развернутый список авторов XVIII—XX веков (не опубликован),⁷⁰ включающий не только прозаиков и поэтов, но и философов, публицистов, политиков, а также пояснительную записку «О списке русских авторов» (представлена на заседание коллегии 2 декабря 1919 года). Этот документ явно недооценен, а ведь он отражает блоковскую концепцию развития русской литературы, панорамный взгляд на проблему поэта и филолога в одном лице, эрудита, человека потрясающей начитанности. Е. Замятин, также участник «строительства Вавилонской башни», как метафорически обозначил он гржебинское предприятие, красноречиво засвидетельствовал приоритет Блока: «...мы строили Вавилонскую башню: издадим Пантеон Литературы российской — от Фонвизина и до наших дней. Сто томов! Мы, быть может, чуть-чуть улыбаясь, — верили, или хотели верить. И больше всех верил Блок. Как и всегда, как и ко всему — он и к этому подошел „по-настоящему“. <...> И тут у Блока оказалась зоркость глаза, острота слуха такая, как ни у кого. Башню решили строить по его плану <...>».⁷¹

Кроме списка имен авторов Блоком были предложены и кандидатуры составителей. Для себя Блок отобрал пять поэтических имен: Лермонтова, Фета, Полонского, Вл. Соловьева, Ап. Григорьева (именно в такой последовательности, согласно записи от 31 января 1920 года в записной книжке № 61).⁷² По гржебинскому проекту Блоком было подготовлено и вышло в свет только одно издание — «Избранные сочинения» Лермонтова.⁷³ Следующим автором, по-видимому, должен был стать Фет. 27 ноября 1919 года Блок занят подготовкой списка авторов и уже конкретно Фетом,⁷⁴ а 8 декабря «занятия Фетом» отмече-

⁶⁹ Ср.: «Было у нас заседание по программе для Гржебина. Горький говорил, что все нужно расширить: не сто книг, а двести пятьдесят» (Чуковский К. Дневник (1901—1929). М., 1991. С. 275, запись от 29 ноября 1919 г.).

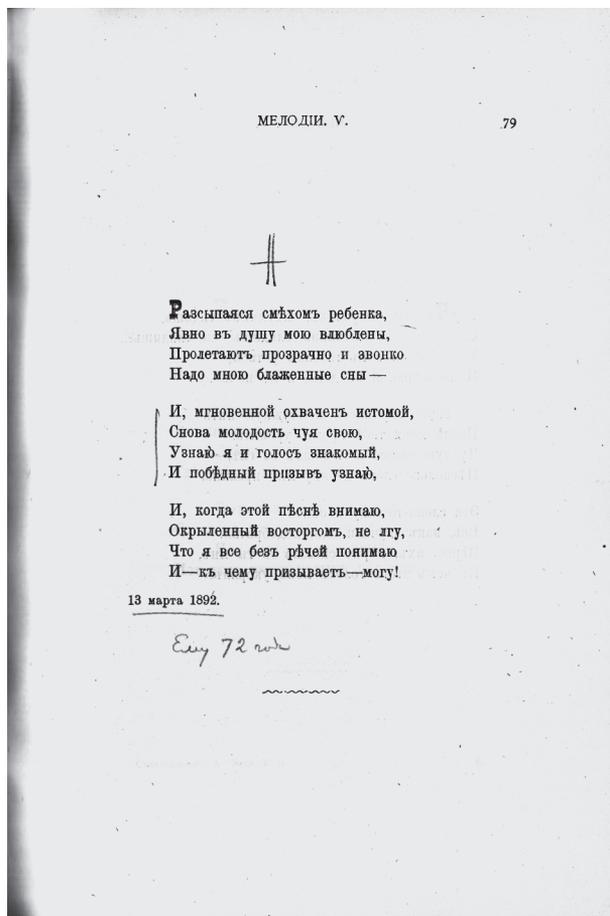
⁷⁰ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 255.

⁷¹ Замятин Е. Воспоминания о Блоке // Замятин Е. Соч. М., 1988. С. 315.

⁷² ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 367. Л. 2.

⁷³ М. Ю. Лермонтов. 1814—1841. Избранные сочинения в одном томе / Ред., вступит. статья и примеч. Александра Блока. Берлин; Пб.: Изд. З. И. Гржебина, <1921>. См.: Кузнецова О. А. Блок в работе над собранием сочинений М. Ю. Лермонтова // Мир Лермонтова / Под ред. М. Н. Виролайнен, А. А. Карпова. СПб., 2015. С. 712—729.

⁷⁴ ЗК. С. 481.

Страница с пометами А. А. Блока из книги
 «Полное собрание стихотворений» Фета (СПб., 1901. Т. 2)

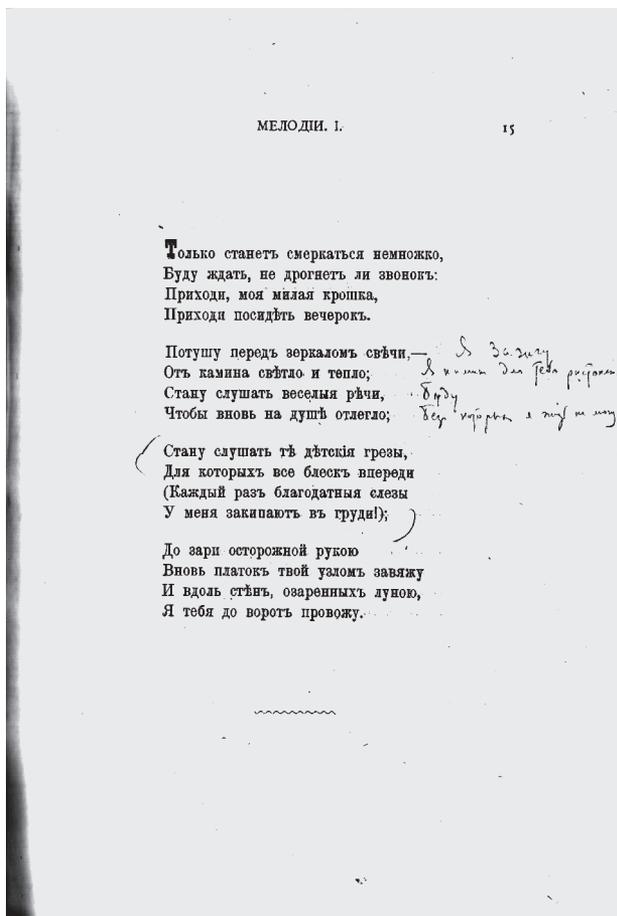
ны в записной книжке № 60 среди перечня ежедневных бытовых забот тех лет:

8/25 <декабря>. Пн. Во «Всем<ирную> Лит<ературу>» за пайком и керосином.

Гнусные слухи о новых возможных кражах дров.
 Занятия Фетом.

Неуютно (тасканье за продовольствием).⁷⁵

⁷⁵ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 366. Л. 87.

Страница с пометами А. А. Блока из книги
«Полное собрание стихотворений» Фета (СПб., 1901. Т. 2)

Параллельно шла интенсивная работа по редактированию переводов Г. Гейне для издательства «Всемирная литература», поэтому «занятия Фетом» в данном контексте можно проиллюстрировать сквозными блоковскими пометами на третьем томе «Полного собрания стихотворений» Фета под редакцией Б. В. Никольского (*Библиотека Блока*. Кн. 2. С. 329–332), куда вошли переводы из Гейне, — и это большая многоаспектная тема. В то же время характер помет и маргиналий Блока на первом и втором томах (Там же. С. 325–329) свидетельствует о текстологической направленности его читательского интереса в данный момент, хотя пометы многослойны, сделаны красным и гра-

фитовым карандашами и так же репрезентативны для более ранних этапов блоковского творчества, что уже было отмечено исследователями.⁷⁶ Им внимательно прочитаны вступительные статьи с изложением эдиционных принципов, которыми руководствовался редактор, отмечены отдельные полемические суждения,⁷⁷ обращено внимание на датировки стихотворений, под текстами последовательно проставлены даты первых редакций, много помет по всему Хронологическому указателю, а также отметок стихотворных текстов идеографическими знаками.

К сожалению, время и силы, затраченные Блоком на разработку проспекта серии, к чему он подошел, как всегда, с предельной ответственностью, пропали втуне, как не были реализованы и многие другие начинания просветительской направленности пореволюционных лет. На фоне усиливающейся депрессии, вызванной болезнью и утратой революционно-романтических иллюзий, Блок все острее начинает переживать свой удел «последнего символиста» и культурное одиночество в литературной среде. В дневнике за 22 октября 1920 года характерная запись: «Гумилев и Горький. Их сходство: волевое; ненависть к Фету и Полонскому — по-разному, разумеется. Как они ни не любят друг друга, у них есть общее. Оба не ведают о трагедии <...>».⁷⁸ Он оставляет пост председателя Союза поэтов, где теперь «верховодит» Гумилев, впрочем, «довольно интересно и искусно» — уточнит Блок, отдавая должное литературному оппоненту.⁷⁹ Неудивительно, что в столь напряженной психологической ситуации Блок отказался от посещения юбилейного вечера, посвященного 100-летию со дня рождения Фета, прошедшего в клубе Союза поэтов 9 декабря 1920 года, предпочтя заняться редактированием переводов «Романтической школы» Гейне и трагедии Гёте «Торквато Тассо». В записной книжке за этот день отмечено: «...Союз поэтов в доме Мурузи — гов<орят> о Фете. Не пойду. Дни большой и хорошей работы».⁸⁰

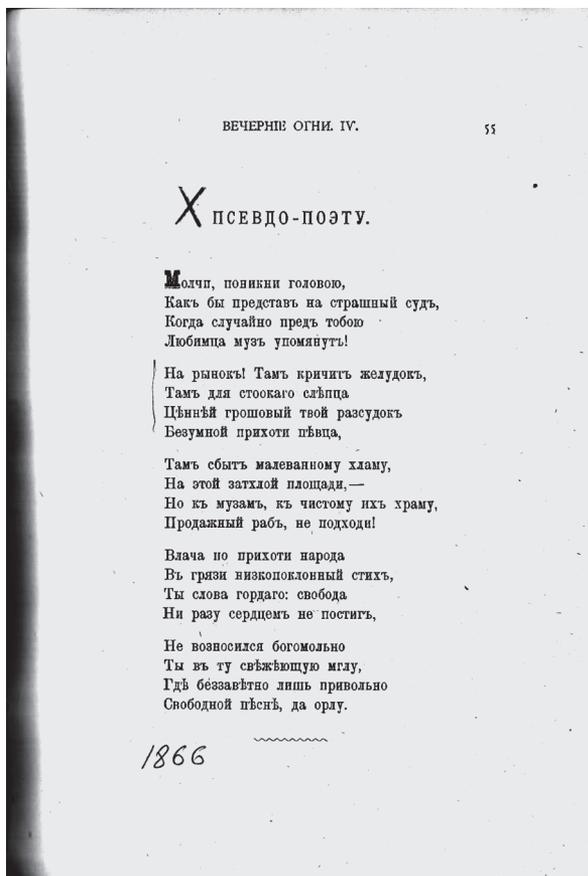
⁷⁶ См. примеч. 2.

⁷⁷ Например, мнение редактора, нивелирующее историко-национальную специфику лирики Фета, было принципиально неприемлемо для Блока: фразу «огромное множество его стихотворений <...> могло бы быть написано в любом веке, в любой стране» он сопроводил пометой: «О, нет» (*Фет А. А.* Полн. собр. стихотворений. Т. 1. С. XI (Библиотека ИРЛИ, шифр 94 1/36)). В университетские годы Блок был лично знаком с правоведом, профессором Б. В. Никольским, руководителем студенческого литературного кружка. См.: *Иванова Е. В.* Блок в Кружке изящной словесности Б. В. Никольского // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991. С. 198–212.

⁷⁸ *Блок.* Т. 7. С. 371.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ *ЗК.* С. 509.

Страница с пометами А. А. Блока из книги
«Полное собрание стихотворений» Фета (СПб., 1901. Т. 1)

А накануне, 3 декабря, состоялась знаменательная беседа с Г. П. Блоком, как раз в эти годы увлекшимся изучением биографии Фета. Поводом к разговору стал недавно вышедший стихотворный сборник «За гранью прошлых дней». «Заговорили о Фете, — свидетельствует мемуарист. — Я сказал, что теперь, по-моему, его пора. Он не согласился: — Нет, пора Фета была раньше — двадцать лет тому назад».⁸¹ И тем не менее поэзия Фета оставалась для Блока «путеводной звездой» до конца: тому подтверждение — концептуальная соположенность *тайной свободы* и *безумной прихоти певца* в итоговых размышлениях «О назначении поэта».

⁸¹ Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 101.